

Даниил Гуревич

ОШИБКА
КАСКАДЕРА

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Моим внучкам: Софи и Мэйв

Нет в любви виноватых и правых.
Разве эта стихия – вина?
Как поток раскаленной лавы
Пролетает по судьбам она.

Юлия Друнина

Ни один человек не может стать более чужим,
чем тот, кого ты в прошлом любил.

*Эрих Мария Ремарк.
Триумфальная арка*

Бывают в жизни моменты, когда все привычные понятия, правила, отношения невольно переоцениваются. Моменты наивысшего напряжения и наибольшего внимания к жизни. Ты словно распахиваешься настезь, и каждая новая мысль, каждый образ, вникающий в тебя, тянут за собой десятки, сотни других, похожих и непохожих.

*Сергей Параджанов.
Исповедь*

ПРОЛОГ

Проехав через ворота и покружив немного по кладбищу, Земцов наткнулся на длинную вереницу запаркованных машин. Среди них ему сразу бросился в глаза черный «бентли», принадлежащий Плуганову – владельцу, пожалуй, самого популярного в России журнала желтой прессы «Зеркало». За рулем «бентли» сидел шофер Плуганова. Чуть в стороне расположились: огромный «ренджровер» Старостина – ведущего актера драматического театра, преподававшего также в театральном институте; маленький красный «фольксваген», принадлежавший Авику; и серебристый «форд» ректора театрального института, где в должности доцента литературы до своей болезни работала Тамара. Было много и других знакомых ему машин. Встретаться с их владельцами Земцову не хотелось, и он не останавливаясь поехал назад к выходу. Выехав с кладбища, он покружил по прилегающим улицам в поисках какого-нибудь места, где бы он мог выпить чашку кофе и переждать, но вокруг были только пустыри, превращенные в свалки, да заброшенные складские и фабричные корпуса. Он остановил машину около одного из них, с выбитыми стеклами и пустыми дверными проемами, посмотрел на часы и выключил мотор. Сам виноват – не надо было так рано приезжать. Люсенька Снежина – секретарь кафедры театрального института – еще позавчера

сообщила ему, что захоронение будет в десять, сейчас же еще не было одиннадцати – вечно он торопится.

Он знал, что большинство придет на кладбище, чтобы поглазеть на него, как он будет себя вести на похоронах. Для этого же приперлась и пресса, которая при жизни Тамары была к ней равнодушна. Главной же приманкой для них был он и все скандалы, в которых он был замешан и которые оркестровал Плуганов. Земцов открыл окно и закурил. Полгода назад, когда охота на него достигла своего апогея, у него случился первый в его жизни сердечный приступ – обнаружили инфаркт, и он провалялся две недели в больнице. Врач тогда категорично заявил: «Нужно менять образ жизни: побольше двигаться, диета, а главное – никаких волнений, и, естественно, с курением должно быть покончено». Насчет волнений Земцов про себя ухмыльнулся: это каким же образом? не на пляже валяюсь где-нибудь на Карибах... А вот курить он сразу бросил, что было не так уж и тяжело – он никогда много не курил. Но где-то пару месяцев назад он стал доставлять себе удовольствие и выкуривал одну сигарету после обеда. Правда, если происходило что-нибудь приятное, что уже давно случалось крайне редко, или наоборот – какая-нибудь неприятность, что стало делом привычным, он позволял себе выкурить еще внеочередную сигарету-две. Сейчас был как раз такой случай...

Земцов вышел из машины и, прислонившись к капоту, закурил сигарету. Три дня подряд непрерывно шли дожди; сейчас же светило солнце, небо очистилось и лишь где-то далеко на горизонте серело небольшое облачко. Земцов представил, как все облегченно вздохнули, взглянув утром в окно: кому захочется в проливной дождь торчать на кладбище даже для того, чтобы поглазеть на него, на его поведение на похоронах. Что ж, этого удовольствия

он им не доставил... А может, вообще сегодня не стоило приезжать? У него был выбор: либо не пойти на похороны и ожидать очередные потоки грязи, которые завтра же на него выльются в прессе и в Интернете (естественно, с подачи Плуганова в его «Зеркале»), или, перетерпев обязательные перешептывания и уничижительные взгляды, все же пойти, даже если придется кому-то кланяться, кому-то пожимать руку, кому-то улыбаться... Но и на прессу, и на эту стаю на кладбище ему было наплевать. Он решил не идти на похороны потому, что ему было необходимо побыть с Тamarой наедине, излить все накипевшее, все не сказанное, что надо было сказать раньше, когда она была жива. И навсегда попрощаться, потому что он знал: на могилу к ней он больше никогда не придет.

Земцов докурил свою сигарету, но остался стоять, прислонившись к машине и подставив свое лицо яркому, но совсем негреющему петербургскому осеннему солнцу. Улица была пустынна: ни машин, ни людей, и лишь сгорбленная старушка в длинном, висевшем на ней как мешок черном пальто, опираясь на палку, брела по тротуару навстречу его машине. На плече у нее висела большая полосатая сумка (с такими раньше ездили челноки за товарами в Турцию). Сумка висела свободно, и лишь на дне угадывалась какая-то тяжесть: может быть, батон или бутылка кефира, а может, и то и другое... Не доходя до машины, старушка остановилась и стала что-то долго разглядывать на противоположной стороне улицы, где был пустырь, заросший бурьяном. Простояв так с минуту, она перешла улицу, сделала пару шагов в сторону пустыря, тяжело наклонилась, подняла что-то с земли, долго рассматривала, потом положила это что-то в сумку и заковыляла дальше. Земцов подумал, что эту сценку надо будет записать и при возможности, если такая случится, вставить эпизодом в новый сценарий.

Он был известен своими проходными эпизодами. Его первый самостоятельный фильм прославился эпизодом, снятым с высоты птичьего полета. Эпизод еще долго обсуждался критиками, и вскоре он стал хрестоматийным. Но будут ли у него новые сценарии и новые фильмы, он очень сомневался. Скорее всего – нет... Земцов смотрел вслед старухе и пытался представить ее жизнь. Живет, наверное, одна в маленькой комнатке в коммунальной квартире, как в Питере еще слишком много. Столик, маленький телевизор на тумбочке, диван, раскладывающийся на ночь, да какой-нибудь комодик для нехитрого гардероба – вот и вся обстановка ее комнатухи, из которой она выбирается только по необходимости: кухня, уборная – чтобы соседей поменьше видеть и самой не нарываться. Для соседей она – тень, которая все время под ногами, все время мешает, и только одна сладкая надежда: скоро ведь помрет и надо будет не упустить и захватить ее комнату... Глядя ей вслед, Земцов вдруг почему-то вспомнил свою бабушку. Бабушка была тоже сгорбленная и еле передвигалась. Она была добрая, всегда улыбалась своим беззубым ртом, и только когда Андрюша Земцов привел в первый раз домой Тамару, тогда его одноклассницу из 9-го «А» класса, улыбка постепенно сошла с бабушкиного лица и до самого их с Тамарой ухода так к ней и не вернулась.

– Ну как она тебе, бабуля? – проводив Тамару домой, спросил Андрюша Земцов у своей бабушки.

– Красивая, но заносчивая больно, – прошамкала бабушка своим беззубым ртом.

– Ничего не заносчивая. Придумаешь тоже, – отмахнулся Андрюша, хотя знал, что это правда. Но Тамара была самая красивая девочка из всех, кого он когда-либо встречал, и для него самая лучшая. А больше его ничего не интересовало.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УСПЕХ

1. ШКОЛА

В 1975 году, когда Андрюше Земцову исполнилось четыре года, его отец бросил свою семью. Мать отца осталась вместе с ними. У них была большая комната, уставленная поизносившейся и только необходимой мебелью. Единственным украшением комнаты был большой разлапистый фикус в кадке, над которым бабушка тряслась, а маленький Андрюша ненавидел и при удобном случае писал в кадку. Но фикус только больше разрастался. Жили они в коммунальной квартире на пятом этаже огромного сталинского дома, раскинувшегося на Московском проспекте, напротив тоже огромного памятника Ленину, установленного по другую сторону проспекта. Жили они очень бедно: мама зарабатывала совсем мало, бабушкина пенсия была близка к нулю, а отец помогал в основном обещаниями принести деньги в следующий раз – официально они не были разведены, поэтому алименты он не платил, но в комнате был прописан. Мама работала в психиатрической больнице уборщицей и приходила с работы очень поздно. Худая,

изможденная тяжелой работой женщина, к тому же болезненная, она была очень тихая и очень мягкая. Характером Андрюша пошел в нее: такой же немногословный, спокойный и не то чтобы мягкий, но с врожденными чувствами такта и справедливости. А вот внешне он стал вылитый отец: высокий, широкоплечий, с длинными боксерскими руками и с грубыми, неправильными чертами лица. Он обожал свою мать и бабушку и с презрением относился к отцу. Появлялся тот у них крайне редко и всегда подвыпивший, и Андрюша, повзрослев, всегда был настороже, чтобы не дать маму в обиду.

В школе друзей у Андрюши не было – для мальчишек он был слишком скучен и неповоротлив, к тому же они его боялись, а девочки считали, что он слишком некрасив и зануден. И только Тамара Кузнецова – самая красивая девочка в классе – была не согласна ни с теми, ни с другими. Ей нравилось его грубое лицо, которое она считала мужественным, а его молчаливость делала его намного взрослее шумных и неугомонных одноклассников. Андрей же, когда смотрел на Тамару, всегда испытывал ощущение восторга от ее, как ему казалось, неземной красоты: высокая, стройная, с длинными пшеничными волосами, прикрывавшими спину и падающими на лоб чуть ли не до самых глаз – зеленых и широко открытых. А то, что она была самовлюбленной, эгоистичной и смотрела свысока на окружающих, – он все это отлично знал, но поделаться с собой ничего не мог. Он любил ее – такой, какая она есть. Просто любил. И очень боялся, что она вдруг возьмет и перестанет его замечать. Но Тамара не собиралась его покидать. Андрей своей мужественностью всегда выделялся среди остальных мальчишек, а она сама – среди всех девчонок, что делало их самой заметной парой в шко-

ле. А Тамара всегда любила выделяться. Но именно поэтому подружек у нее никогда не было: девочки считали ее зазнайкой и высокомерной выскочкой. Ее отец занимал большой пост в Ленинградском обкоме партии с соответствующими привилегиями, поэтому она одевалась намного лучше всех и жилищные условия у нее были намного лучше всех: в то время как большинство учеников ютилось в коммуналках, у ее семьи была огромная трехкомнатная квартира, где ей принадлежала собственная, и довольно большая, комната.

Федор Сергеевич Кузнецов был наследственным партийным работником. Его отец, Тамарин дед, Сергей Степанович Кузнецов, питерский рабочий, еще в 1905 году швырял булыжники в царских жандармов, а затем в 1914 году был отправлен на фронт воевать с немчурой. Когда в царской армии начались брожения, он сразу же к ним присоединился и вскоре сам начал заниматься агитационной работой, к которой у него оказались немалые способности. Став непримиримым большевиком, Серега Кузнецов принял кипучее участие в великой революции, а затем пошел в Красную армию, где с радостью рубил шашкой беляков. После окончательной победы пролетариата он продолжал свою революционную деятельность уже в должности руководителя продотряда, лично расстреливая так называемых кулаков, а когда с зажиточным, то есть истинно трудовым, крестьянством было покончено, он получил должность партработника на крупном ленинградском заводе и быстро зашагал вверх по партийной лестнице. Его сын Федька Кузнецов, сначала активный комсомолец, затем молодой партиец, зашагал по партийной лестнице еще быстрее и к тридцати годам уже занимал (правда, не очень значительный) пост в одном из

ленинградских райкомов партии. Однажды в Смольном на одном из праздничных вечеров, посвященном годовщине Великого Октября, его позвал к себе заведующий отделом идеологии Ленинградского обкома партии. Рядом с ним стояла очень высокая, очень худая, с удлинённым лицом девушка, в длинном несуразном платье ярко-красного цвета, с большим синим бантом на груди, ещё больше подчеркивающим её вытянутое лицо. Обкомовец представил Федору Кузнецову свою единственную дочь Лизоньку и предложил сесть на концерте с ними, так как его дражайшая половина занемогла и осталась дома. Ликующий Федор зашагал за ними, прекрасно сознавая, что у партийных работников вообще, а такого ранга особенно, ничего просто так не делается. Так оно и случилось. После концерта в Смольном Федора вскоре пригласили на празднование Лизонькиного дня рождения. Потом начались свидания. В то время, когда произошло знакомство Федора с Лизой, у него был довольно продолжительный роман с завучем средней школы – очень красивой, очень умной и очень его любившей, но бывшей замужем. Федор сам был в нее не на шутку влюблен и настойчиво требовал, чтобы она разошлась, на что та наконец решилась и объявила об этом своему мужу. Но какой бы красавицей она ни была и как бы он ее ни желал, завуч школы есть завуч школы, а дочь секретаря обкома... Да как тут можно колебаться!

Свидания Федора с Лизой продолжались недолго, и буквально через месяц состоялся серьезный разговор с обкомовцем, который напрямую поинтересовался дальнейшими планами молодого партработника, касающимися его дочери. Федор, давно ожидавший этого разговора, сказал, что как раз собирался попросить у уважаемого

Леонида Кирилловича руки его дочери, которую он очень любит. Обкомовец благосклонно дал свое добро, но сразу предупредил, что если заметит за зятем хоть что-то порочащее образ советского человека, к тому же партийного работника, – сотрет в порошок! Еще до свадьбы – чтобы не разводиться кумовства – обкомовец перевел Федора из райкома в горком партии на такую же должность в идеологическом секторе – ну, конечно, с перспективой перехода в Ленинградский обком.

Внешность жены Федор воспринял как жизненную необходимость и, несмотря на предупреждения высокопоставленного тестя, довольно быстро завел себе молоденькую любовницу, живущую в пригороде, куда он довольно часто наведывался, отправляясь в командировки по области.

Когда его жена забеременела, Федор не на шутку забеспокоился о внешности будущего ребенка: если родится девочка, то как бы она не пошла в жену – сам он был высоким интересным мужчиной, на которого частенько заглядывались женщины. Поэтому, навестив жену в родильном доме после рождения дочери, он с облегчением вздохнул: ему протянули нарядный кулек, в котором лежал маленький ангелочек. Когда ангелочек превратился в красивую, с прекрасной фигурой девушку, Федор Сергеевич стал подумывать о будущем зяте, который, естественно, должен был происходить из достойной семьи. Но Тамара вдруг привела в дом своего одноклассника, чуть ли не оборванца из никакой семьи – мать уборщица! И что самое ужасное: его красавица дочь была в этого голодранца явно влюблена. «Слава богу, хоть не еврей», – усмехнулся про себя Федор Сергеевич Кузнецов, который был махровым антисемитом по должности,

по убеждению и по наследству: его отец был пламенным революционером и единственное, что его не устраивало в революционном движении, – это засилье в нем жидов. Тем не менее это не помешало Федору Кузнецову уже в солидном возрасте, когда дочери исполнилось шестнадцать лет, обзавестись новой, молоденькой любовницей – еврейкой Фаиной. Когда же она забеременела и отказалась делать аборт, Федор посоветовал ей ехать рожать в Израиль. Фаина крепким русским матом послала идеологического работника подальше и уехала рожать в Америку.

Тамара росла в семье единственным ребенком и к тому же была не только красавицей, но и достаточно умной и очень практичной («Вся в меня», – с гордостью думал Кузнецов-старший), поэтому ей все разрешалось и предоставлялось по первому ее требованию. Но обвинений одноклассниц в своей высокомерности она не принимала. «Чтобы угодить этим замухрышкам, я должна ходить в ширпотреб? Нетушки! Плевала я на них – пусть завидуют».

Однажды, уже в десятом классе, они пошли после уроков к Андрею. Мама его была на работе, а бабушка нянчилась с правнучкой у его сестры Тани, которая жила с мужем. Они впервые остались вдвоем и одновременно сразу разволновались и растерялись. Андрюша предложил напоить Тамару чаем, но она нервно покачала головой и села на диван. Андрюша с заколотившимся сердцем сел рядом и осторожно, чуть ли не трясущейся рукой обнял ее за плечи. Тамара повернула к нему голову, долго смотрела на него, затем медленно приблизила к нему лицо и слегка прикоснулась губами к его губам. Потом откинула голову, посмотрела ему в глаза и опять потянулась к его лицу.

Андрюша притянул ее к себе и крепко поцеловал в губы. «Нежнее, пожалуйста, милый», – прошептала Тамара. «Извини», – в ответ прохрипел Андрюша и уже как можно легче и нежнее полуоткрытым ртом прижался к ее открытому рту. Он не отпускал ее губ так долго и целовал их так нежно, словно был опытным любовником, хотя целовался первый раз в своей жизни. Во время поцелуя его рука неуклюже расстегнула ее кофточку, и он стал целовать ее шею, плечи, грудь. У нее закружилась голова, и она почувствовала, как ее тело охватывает сладкая истома. И как сквозь туман, она подумала, что если он сейчас пойдет до конца, то сопротивляться ему она не сможет. Но он вдруг остановился и срывающимся голосом прохрипел: «Давай больше не будем». Тамара сразу отпрянула, покраснев от своих, как ей показалось, грязных мыслей, и таким же глухим голосом прошептала: «Конечно... Спасибо, Андрюша». Теперь каждый раз, когда у него никого не было дома, они после уроков шли к нему и до изнеможения ласкали друг друга. Но каждый раз, когда они чувствовали, что еще немножко – и им будет не остановиться, они останавливались.

Как-то их преподавательница по литературе Плана Владимировна (названная так в честь одного из советских планов), которая была их классным руководителем и которую все ученики, даже двоечники, очень любили, задала им на дом написать сочинение. Тема была свободной, и каждый ученик мог написать все, что ему будет по душе, – без ограничений, но, разумеется, в рамках приличия. Через несколько дней, раздавая проверенные сочинения, Плана Владимировна объявила, что на этот раз она поставила только одну пятерку. Она извинилась перед ребятами, которые эту пятерку справедливо заслужили,

и сказала, что она сейчас попросит разрешение у Андрюши Земцова прочитать его сочинение и тогда ребята поймут, почему она так поступила. Ребята в классе недоуменно переглянулись, а потом как по команде повернули головы к Земцову. Тамара, сидящая с ним за одной партой, тоже недоуменно посмотрела на Андрюшу.

– Ну что, Земцов? Разрешаешь прочесть? – улыбаясь, обратилась к нему учительница.

– А мне то что, – буркнул Андрюша и отвернулся к окну.

Плана Владимировна взяла со стола Андрюшино сочинение и стала читать.

«Ворон и фиалка», сказка

В одной очень большой стране, на самой ее окраине, раскинулся лес. Не так давно по нему прошелся огонь, и все живое вынуждено было покинуть лес. И только одинокий обгоревший ворон решил никуда не улетать и остался. Почему – он и сам не понимал. Вероятно, он очень любил этот лес, где родился и провел свою счастливую и беззаботную жизнь и где решил умереть, пусть и в полном одиночестве. Большую часть времени он проводил на одном из обгоревших деревьев, закрыв глаза и вспоминая, какая у него была беспечная молодость. Но ему все же нужно было есть, а с едой с каждым днем становилось все хуже и хуже, и он все чаще и чаще возвращался на свое дерево голодным. В одно из таких возвращений он заметил на земле, посреди обгорелой травы, пронзительно-голубое пятнышко, словно от неба откололся крошечный кусочек и упал на землю. Он стал кружиться над ним, спускаясь все ниже и ниже, пока не увидел, что это был

необыкновенной красоты цветок. Тогда он сел на землю и подошел к нему.

– Кто ты? – спросил он.

– Я фиалка, – ответил цветок.

– Как ты здесь оказалась? – спросил ворон.

– Не знаю. Просто родилась здесь, – ответила фиалка.

– Я тебя раньше никогда не видел. Я вообще таких красивых цветов никогда не видел, – восторженно сказал ворон.

– А я давно за тобой наблюдаю, – сказала фиалка и, помолчав, добавила: – Я очень скучаю, когда ты долго не пролетаешь надо мной... И всегда боюсь, что ты куда-нибудь улетел и я тебя никогда больше не увижу.

– Ты скучаешь по мне? Почему? – удивился ворон.

– Потому что ты мне очень-очень нравишься. Я тебя полюбила, – сказала фиалка и покраснела.

– Меня?! – дрожащим от волнения голосом спросил ворон. – Как меня можно полюбить? Я весь обгорел, отоцал... А ты такая необыкновенная, такая юная, такая красивая... Нет, тебе это просто показалось. Меня нельзя любить.

– Позволь мне решать, кого мне любить. И при чем здесь твой вид? Ты бы посмотрел на себя в полете. Я сначала подумала, что ты ястреб или орел.

– А я оказался простым вороном.

– И очень глупым, – сказала фиалка. – Я тебя люблю таким, какой ты есть, и никто мне больше не нужен. А ты? Ты бы смог полюбить меня? – опять покраснев, спросила фиалка.

– Как ты можешь такое спрашивать! Я бы прямо сейчас отдал за тебя свою жизнь! – вскричал ворон. А потом усмехнулся: – Правда, она и гроша не стоит.

Я не буду описывать, о чем они потом говорили, и как, преодолевая свою робость и страх, ворон в первый раз поцеловал фиалку, и как счастливо они потом зажили. Фиалка с каждым днем становилась все прекраснее и веселее, а ворон с каждым днем все больше и больше худел, потому что кормиться в лесу ему уже было совсем нечем. Когда фиалка наконец очнулась от своего счастья и увидела, что происходит с вороном, она ужаснулась.

– Прости меня, любимый. Я самая настоящая дрянь и эгоистка. Я, кроме своей любви, ничего не замечаю. Лес окончательно умер, и ты все время возвращаешься с охоты ни с чем, а я думаю только о своей любви. Тебе придется улететь из этого леса.

– Ты думаешь, что ты говоришь! – вскричал ворон. – А ты?!

– А я останусь здесь. Другого выхода нет, – сказала она, и по ее прекрасному стеблю потекла слеза.

– Ни за что! Я ни за что не оставлю тебя! – вскричал ворон. – Да и какая разница, без тебя я умру на следующий же день.

– Хорошо, – сказала фиалка. – Тогда мы полетим вместе.

– Но как? – удивился ворон.

– Очень просто. Ты освободишь меня из земли, возьмешь в свой клюв, только нежно, пожалуйста, очень нежно, и мы полетим искать себе новый дом.

– Ну конечно же! – вскричал ворон. – Это так просто, а мне не пришло в голову.

Он был так ослеплен этой идеей, что даже не подумал, к чему она приведет. Фиалка нежно улыбнулась ему, пытаясь скрыть свою грусть, потому что она-то прекрасно понимала, чем это все закончится. Ворон, как только мог,

осторожно освободил фиалку из земли и взлетел в небо. Он изо всех сил размахивал своими крыльями и, как когда-то говорила фиалка, чувствовал себя ястребом или, может быть, даже орлом. Так они летели целый день без остановки. Ворон все время поглядывал на свою фиалку и к концу дня стал замечать, как ее нежные пронзительно-синие лепестки поникли и побледнели. Ворон подумал, что она очень устала и замерзла, и решил спуститься на землю. Спустившись, он осторожно положил фиалку на траву, прикрыл своим обгорелым крылом, нежно прошептал: «Спи» – и мгновенно заснул сам.

Когда он проснулся и поднял свое крыло, он увидел, что фиалка вся съежилась и почернела.

– Что с тобой, моя любовь? Что с тобой? – в ужасе закричал он.

Но фиалка не отвечала. Она не могла ответить, потому что умерла под самое утро. И тут ворон понял, что он наделал, это ведь было так очевидно – фиалки не могут жить без земли, и даже любовь не спасает их. Ворон не мог плакать, не мог страдать – он вообще ничего не мог. Все, что он смог, – это лечь рядом со своей любимой, накрыть ее крылом и к вечеру умереть.

Учительница закончила читать, положила листочки на стол и осмотрела притихший класс. Все как один, ребята повернулись к парте, где сидели Андрюша с Тамарой.

– Это ты о нас? – наклонив к нему голову, шепотом спросила она.

Андрюша резко кивнул и опять отвернулся к окну.

– Кузнецова, – обратилась к Тамаре учительница, – твой отец ведь занимается идеологией в обкоме партии?

– Да, – сказала Тамара, вставая из-за парты.

– Покажи ему. Может быть, он передаст эту сказку в какой-нибудь литературный журнал. Я убеждена: она стоит того, чтобы ее напечатали.

– Хорошо, Плана Владимировна.

После уроков они пошли к Андрею.

– Не знала, что ты такой чувствительный, Андрюшенька, – сказала Тамара, когда они вышли из школы. – А почему твоя сказка такая грустная?

– Так получилось, – пожал плечами Андрей.

– Если она о нас, тогда ты дурачок! У нас с тобой все будет классно! – твердо заявила Тамара и шлепнула его портфелем по спине.

Придя к нему, они сразу забрались на свой диван. И когда они погрузились в свои ласки и Андрюша, дойдя до своего предела, стал выпрямляться, Тамара задержала его руками и, глядя прямо ему в глаза, очень серьезно спросила:

– Ты ведь на мне женишься?.. Правда?

– Конечно, – так же серьезно ответил Андрей.

Тамара продолжала, словно испытывая, смотреть на него, потом притянула к себе и обожгла своим шепотом:

– Тогда, пожалуйста... не останавливайся... Я хочу до конца...

Отцу Тамара сказку, конечно, не показала: она знала, что он даже читать ее не станет.

* * *

В этом же году, в десятом классе, в их жизни одно за другим произошли два знаменательных события, связанных друг с другом и переменивших их судьбы. Первым событием для Тамары и Андрея стал приход в их 10-й «А»

класс ученика со странным именем Авиэль. Фамилия у него была Эпштейн, и он стал единственным евреем в их классе. Тамаре сразу понравилось его утонченное лицо с широко раскрытыми чернущими глазами и длинными ресницами; голову покрывала буйная шапка иссиня-черных волос. Тамара никогда не любила красивые мужские лица – они ей казались слащавыми, но лицо Авиэля скорее было ангельским, чем сладким. На перемене они с Андрюшей подошли к новичку.

– Привет, – сказала Тамара, протягивая руку. – Меня зовут Тамара, а это Андрюша, мой друг.

– Здорово, – протянул руку Андрей. – У тебя необычное имя. Никогда не встречал.

– Я знаю, – чувствуя боль от крепкого пожатия Андрея, но не подавая вида, ответил Авиэль. – Это в честь дяди. Он умер во время блокады. Вообще-то все меня зовут Авик.

– Смотрите, у них тоже жидяра появился, – широко оскалясь своим огромным ртом, протянул Колька Федорчук из соседнего 10-го «Б» класса своему однокласснику Витьке Стрельцову и тут же отлетел к стене от удара Андрея в грудь. Ударившись о стену, Колька медленно сполз на пол, а Витька тут же дал стрекача.

– Ты чего?! Охренел? – придя в себя и потирая грудь, прохрипел Федорчук.

– В следующий раз попадешь в больницу, – спокойно сказал Андрей.

– Он у меня борец за справедливость, – то ли с гордостью, то ли с насмешкой произнесла Тамара.

– Спасибо, Андрей, – улыбнулся Авик и не очень уверенно добавил: – Но я тоже могу за себя постоять.

С тех пор они стали неразлучной троицей.

Второе событие, которое тоже было связано с Авиком, началось довольно буднично, а вот его последствия в дальнейшем изменили их жизни. В конце весны, почти перед самыми выпускными экзаменами, Авик впервые пригласил их к себе домой послушать классную пластинку. Он, как и Тамара, тоже жил в отдельной квартире и тоже в трехкомнатной, но квартира Эпштейнов отличалась размерами и скромностью обстановки. Почти все стены были заставлены книжными шкафами. Когда они вошли, отец Авика Григорий Исаевич Эпштейн сидел в гостиной в кресле с большим блокнотом на коленях и что-то записывал. Услышав открывающуюся дверь, он поднял голову.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА